

Карманный ад

Евгений Медведев

Издательство АСТ
МОСКВА

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
М42

*Дизайн обложки Виктория Лебедева
Дизайн макета Анна Якунина*

Евгений, Медведев

М42 Карманный ад / Медведев, Евгений. – Москва : Издательство АСТ, 2016. – 336. – (Звезда СМИ)

ISBN 978-5-17-094218-3

В море событий и калейдоскопе лиц, окружающих нас каждый день – что реальность, а что иллюзия? Можно ли доплыть до рая на бумажном корабле, пахнущем типографской краской? И для кого открыты ворота этого рая, если у каждого человека при себе собственный карманный ад? Персонажи этой книги далеко не супермены, и именно поэтому в их проблемах, метаниях, ошибках и победах каждый найдет для себя что-то близкое. С первой до последней страницы читателю не дадут заскучать интригующий, многослойный сюжет, затягивающая атмосфера, будоражащая смесь фантастики и повседневности, злободневной сатиры и «вечных вопросов». Но главные приключения, как и бывает в жизни, разыгрываются в умах и сердцах героев. Здесь нет условностей и границ для фантазии, так же как нет заранее данных оценок или запретных тем. Эта история для тех, кто не боится зажечь огонь своей личной Преисподней, чтобы отыскать золото среди грязи.

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

©Медведев, Евгений
© ООО «Издательство АСТ»

Глава первая

До Москвы оставалось едва ли больше 50 километров, но каждый из них теперь был длинней и ухабистей. Утомляла не столько дорога (а она тянулась уже 10 часов), сколько молчание, вязкое и тоскливое. В подержанном «Мустанге» сидели четверо: водитель с бледным лицом; священник, худой настолько, что тело трижды можно было обернуть рясой; совсем юный парень в рыжей футболке и женщина неопределенного возраста с нарывами на запястьях и шее.

Мелкий песок с берегов Нила покрыл трескучей пылью спинки кресел в салоне, вавилонские зиккураты оставили мелкие осколки в резиновых копытах, фары горели тускло, будто работали на керосине.

Водитель флегматично жал на клаксон, подгоняя соседние машины, тихо насвистывал мелодию из симфонии Малера и неторопливо курил. Священник то и дело поглядывал в телефон, женщина задремала, а последний попутчик устался в окно. Он дымил строго каждые 10 километров, а музыка из наушников его плеера заглушала свист водителя. Парень продолжал смотреть в ветровое стекло, вновь и вновь узнавая места, брошенные полвека назад.

Когда показались огни Одинцово, водитель ухмыльнулся. «Мустанг» миновал строительное полотно зарождавшихся микрорайонов и резко остановился у конечной станции метро, голова игрушечной собачки на стойке водителя закачалась.

– Ну что, расходимся. Увидимся через месяц.

Батюшка поглядел на хозяина машины, кивнул, вцепился в ручки сумки и резво выскочил из иномарки. Женщина надела длинные перчатки, накинула шаль на плечи и вышла следом. Наконец и юноша открыл дверь и твердо наступил на придорожную пыль.

– Здравствуй, мачеха. – Парень встал на колени и поцеловал обочину, медленно поднялся и отряхнул джинсы.

Водитель «Мустанга» ударил по педалям и скрылся за поворотом МКАД. Он направлялся на другой конец Москвы, где снял квартиру на имя Андрея Пепла. В доме напротив жил человек, с которым водителю и предстояло встретиться, чтобы забрать Летопись.

Ильяс проснулся в четвертом часу утра. Обычно он просыпался раньше, когда кукушка в настенных часах выходила поклевать три зерна. В этот раз, заспанный, он первым делом направился в душ, надел ресницы и брови, сбрил окладистую бороду, которая начинала расти чертовски быстро всякий раз, стоило ему пригубить накануне виски. Если вечером Ильяс выпивал больше двух стаканов, то утром просыпался с бородой повидавшего моря боцмана, прошедшего ревущие сороковые и неистовые пятидесятые широты Антарктики. Так выдалось и накануне: Ильяс заглянул в книжную лавку друга, и утренние возлияния растянулись в десятичасовой марафон.

Поутру Ильяс первым делом проверял почту. Каждое утро в ящике, прибитом на дверь просторной пустой квартиры, оказывалось письмо в красном конверте с

заданием на день. За четыре года работы Ильяс ни разу не видел почтальона, который никогда не опаздывал и был исправен, как финская Nokia, и пунктуален, как британское чаепитие.

В письме, написанном от руки, содержалась разрядка на день, полученная из центрального офиса, о местонахождении которого Ильяс не имел ни малейшего представления. Он стал сотрудником таинственной конторы совершенно случайно, откликнувшись на объявление в алкогольной газете. Такие листки получили широкую популярность в годы Кризиса, три года мучившие Москву.

Когда нувориши разорились, когда аристократы лишились званий и имений, когда бесхозные яхты сиротливо стояли на причале Агидели, издатели, подсчитывая убытки, придумали хитрую идею, которая позволяла не только держать читателей в курсе последних событий, но и утешать их: каждый выпуск печатался на бутылке крепкого алкоголя; субботний и воскресный выпуски, напротив, были полноценной газетой с несколькими тестерами виски, коньяка или водки: подписчики могли выбрать понравившийся набор самостоятельно.

Идея прижилась: на бутылках стали печатать не только биржевые сводки, вгонявшие брокеров в тоску, но и рекламные проспекты. Блеклая надпись «Разыскивается Летописец, вознаграждение прилагается» было напечатано аккуратно между новостью о рождении внука у Городничего и объявлением о продаже особняка на Воробьевых горах.

Ильяс никогда не мнил себя летописцем и даже не думал, чтобы когда-либо примерить его мантию, однако незаконченное высшее образование и отсутствие денег вынуждали парня идти на смелые и порой наглые поступки.

В утреннем письме Ильясу поручили заняться большой темой: чумой патриотизма, заразившей россиян. Летописец задумался, к кому же обратиться за комментариями. Самым вероятным кандидатом был старый знакомый Милан, работавший в солидном информационном агентстве. Парень достал дешевый телефон и набрал сообщение: «Брат мой, сегодняшним вечером выпьем?» Товарищ редко отвечал за СМС, и летописец расслабился: он знал, что друг перезвонит с рабочего телефона.

Виктор Шелудяев, понурый, серый, ничем не выделяющийся на фоне прохожих, маячивших за окном, стоял рядом с приставной лестницей, на которой возвышался Денис. Возвышался – громко сказано: мужчина отдаленно смахивал на гнома – и низким ростом, и удивительно широкими плечами, и накаченной грудью, и длинными волосами, и окладистой кучерявой бородой. Витя и называл бы друга «Гномом», если бы не преследовавший однокашника запах океанической соли, плывший за товарищем и выдававший его морское прошлое. Об этом же говорили задубелая кожа ладоней, глубокие морщины на молодом лице и взгляд с прищуром, вот почему Витя прозвал Дениса «Капитаном». Шелудяев владел собственным клубом «Мост», но по давней традиции

предпочитал выпивать в компании книжника, державшего здесь подпольный бар для друзей.

Ресторатор придерживал стремянку, которая то и дело покачивалась на неровной поверхности пола, растревоженного утренним приливом. Как и всегда по весне, прилив в Москве был глубоким и тревожным: волны дыбились, как шерсть у ослабившихся волков.

Старый друг расставлял книжные новинки между никому не нужных фолиантов, покрытых пылью и илом. Вот уже шесть лет Денис руководил книжным магазином в самом центре столицы. Тем не менее покупатели проходили мимо, будто и не догадывались о ожидавшихся секретах, тайнах и богатствах, запечатанных в бумажные сундуки и аккуратно расставленных по полкам.

В столице только рассвело, крупные снежинки ложились на козырек магазина, и силуэт Дениса потемнел, будто продавец надел старый сюртук фиолетового цвета. Фонарь над дверью магазина сиял маяком в тумане, его свет падал Денису на спину. Капитан заслонял названия книг и фамилии авторов, но это его не смущало: за долгие годы мужчина научился читать подушечками пальцев. Наконец рвение Капитана иссякло, а последняя книга Пелевина заняла свободное место рядом с Пушкиным и Прустом.

Лампочка в фонаре заискрилась и погасла, и книжный магазин нырнул в темноту. За окном блестели фары автомобилей, огни святого Эльма, вывески магазинов, чешуя косяков люминесцирующих рыб, проплывавших мимо иллюминатора рубки. Денис посмотрел в окно на

.....

прохожих, торопливо семенивших в метро и кафе. Горожане показались Денису удивительно маленькими.

– Человеческая жизнь – не линкор на приколе: она не стоит и одной строчки Павича. – Денис влоботорта повернулся к Вите и повел носом, предчувствуя появление посетителя. Он не заставил себя ждать: дверь распахнулась, и в магазин вошел Георгий Борух.

– Я ненадолго, проезжал мимо, решил кофе выпить. Или ты против? – Жора торопливо снял пальто, растер замерзшие уши ладонями и уселся на высокий барный стул. Кучерявый мужик с большими печальными глазами казался годовалым барашком, осужденным на заклятие. Его несерьезный вид никак не соотносился с вечно поджатыми губами, выдававшими надменность и высокомерие, но весь пафос разбивался о шевелюру, напоминающую одуванчик.

– Витя, накрой на стол, – сказал Капитан, и Шелудяев послушно направился в коморку, где стоял поднос с чайником и чашками. Через минуту однокашники сидели за прилавком и выпивали бодрящий напиток с ложкой коньяка.

– Не проехать из-за этих юродивых, вся столица встала, – пожаловался Жора. – Мне в морг придется на метро добираться. Что за день?

– Главное, чтобы не на катафалке, – сострил Шелудяев.

– Типун тебе на язык, – сказал Капитан. – Столица разбушевчалась, как море в семибалльный шторм, еще чуть-чуть – и патриоты потянут страну на дно.

– Вышли на улицы: сами в трениках, лица флагами раскрасили, что за масса? – риторически спросил Витя.

– Меня тоже поражает эта тяга к унификации, – поддержал Жора. – Общество, лишённое различий, обречено на гибель. Этот страх быть одинаковыми пронизывает всю историю человечества; достаточно вспомнить, как в древности поступали с близнецами. Когда в первобытных племенах рождались близнецы, одного из них тут же приносили в жертву: люди видели в однояйцевых детях некую угрозу, отсутствие различий они трактовали как источник неизбежного насилия. Благо прогресс не стоит на месте: теперь близнецом, которого нужно отдать на заклятие, становится оппонент власти, аморфный враг, сегодня эту роль выполняет Запад. Враг амбивалентен: с одной стороны, он подлежит уничтожению, с другой стороны, является сакральным объектом поклонения. Кровь жертвы становится цементом, скрепляющим камни общества. Люди, замешанные в одном убийстве, никогда друг друга не предадут. Так что я ожидаю дальнейшего охлаждения отношений с Западом и продолжение антиамериканских погромов в Москве.

– А разве этот митинг – не подтверждение того, что общество действительно поддерживает власть? – удивился Денис.

– Когда численность леммингов достигает критической точки – все запасы растительности съедены, а совы, песцы и поморники пресытились мясом полёвковых, – грызуны покидают родные места и устремляются вперед, пока не наткнутся на озеро или морской об-

рыв. Наслоившаяся лавина живых тел не останавливается, пока не утонет вдали от берега. – Жора сделал паузу и пригубил кофе. – Так вот, поведение наших сограждан мне очень напоминает поведение леммингов: глаза стеклянные, ты им гвозди на мостовую насыпь – клевать станут. Они же ни о чем не думают, им скажи: «Пойдемте бить таджиков» – пойдут, «Пойдемте пивную громить» – пойдут. Или я не прав?

– Ты же понимаешь: если нет национальной идеи, способной объединить народ, нужна национальная антиидея, – сказал Витя.

– Любому капитану, чтобы управлять командой, нужен авторитет и курс. Авторитет у нашего президента есть, а вот с курсом он пока не определился, потому и решил разыграть национальную карту, – согласился Денис.

– У жука-бомбардира есть любопытная привычка: оказавшись рядом с муравейником, он падает, замирает и притворяется мертвым. Ясное дело, муравьи думают, что нашли корм, и волокут тело в подземелье, но здесь их ожидает сюрприз: жук оживает и начинает травить трупоедов едкой жидкостью. Так бомбардир находит укромное и удобное место для гнездования и неистощимые запасы еды. – Жора поставил чашку на блюдце, поморщил лоб и продолжил: – Порой у меня складывается ощущение, что и российские политики прикидываются патриотами, дабы найти себе хлебное место в Кремле или Госдуме. – Он запнулся, посмотрел на часы и резко вскочил. – Спасибо за полдник, увидим-

ся вечером, я загляну с бутылкой рома. – Жора крепко пожал руку Денису и кивнул Вите.

– Станный он все-таки. – Капитан проводил гостя взглядом.

– Ты его пациентов не видел, – ответил Витя. – К слову, сегодня и Милан обещал зайти, он как раз на митинге будет.

– Главное, чтобы он с Сироткиным не столкнулся, а то палубу от крови ни один юнга не отмоеет. – Денис поднял чашку и чокнулся с товарищем.

Милан Биккок нехотя перевернулся на застиранной простыне, вытканной из веревок австралийских пещеров и листьев марокканских пальм. Солнечный блик, усевшийся на раму зеркала, игриво подмигнул хозяину квартиры. Милан поднял тапок и метнул в зайчика, блик уклонился от снаряда и опрометью бросился в окно. Мужчина поморщился и укрылся подушкой.

– Милан, ты будешь кофе? – в комнату вошла девушка в сорочке и сигаретой в зубах.

– Доброе утро. Нет, кофе не буду, стакан сока налей. И да, на будущее: здесь курят только на кухне.

Девушка повела плечом, но сигарету потушила, едва не расплескав кофе на дубовый паркет, которым Милан дорожил больше, чем костюмами в шкафу или арсеналом элитного алкоголя в баре.

Он потянулся и понял, что чувствует себя полностью разбитым. После секса такое с ним приключалось редко, а через эту комнату прошел не один десяток девушек. Были блондинки и брюнетки, худые и в

.....

теле, были азиатки и мулатки, шведки, немки, испанки, еврейки... Каждый новый половой партнер оставлял свой след на теле человека (так уж повелось в этой вселенной): у девушек – буквы, написанные прозрачными водянистыми чернилами: они темнели, если парень и девушка спали регулярно, и впечатывались шрамами, если речь шла о сотнях соитий. У парней оставались зарубки на члене. На фаллосе Милана не было живого места, и он гордился этим, вгоняя в краску девственниц и девушек, только-только познавших прелесть секса. Но ни с одной из знакомых Биккок больше месяца не встречался, будто боялся примерить на себя ярмо отношений.

– Завтрак на столе, поднимайся. Девушка засемила на кухню.

– Дайте воздуха, дышать нечем. – Милан надел футболку и подошел к турнику, повешенному на косяк дверного проема. Будучи школяром, он с трудом подтягивался десяток раз, но желания быть в центре внимания и завоевывать женщин порой становятся главными катализаторами развития. Милан прервался на третьем десятке, прыгнул с металлической рамы и перевел дыхание:

– Ладно тебе, не будем ссориться.

Девушка стояла у стола и листала блокнот. Милан обнял ее за талию и прижал к себе, приподняв ночнушку.

– Не хочу. – Девушка резко повернулась и опустила сорочку.

– Хозяйка барыня. – Милан натянул исподнее и уселся на стул. «А чего я, собственно, переживаю? Она мне

даже не невеста». – Ваша карета на парковке, увидимся на балу.

Лена (именно так звали утреннюю гостью) уже приготовилась к подобному повороту событий. Нельзя сказать, что она удивилась: сценарий повторялся из раза в раз, как пятичасовое чаепитие у Безумного Шляпника, и Биккок ни разу не отступил от канонов.

Она часто задавала себе вопрос, почему снова и снова оказывается в этой холостяцкой квартире с хозяином-циником, но, к сожалению, всякий раз находила ответ: если с глаза на глаз он был законченным эгоистом, то на публике преображался. Его шарму и чувству юмора трудно было противостоять. Лена даже поймала себя на мысли, что Милан живет в своем вымышленном киномире, где квартира – это гримерка, а улицы, офис, бары – съемочная площадка. Биккок научился играть под софитами условностей и юпитерами стереотипов. Мышеловку общественного мнения он приладил так, что случайные зрители, массовка и партнеры по сцене становились его жертвами. На этот раз в капкан попала Лена, и эта мука продолжалась уже три недели.

В постели, как и жизни, Милан был эгоистом: секс с Биккоком ей не нравился. Ей не нравились его скабрзные шутки, колкие замечания и наплевательское невнимание. За все три недели он однажды подарил ей цветы, а об украшениях и речи не было. Она терпеть не могла Милана со вторника до воскресенья, но каждый понедельник оказывалась под ним.

– Чего стоим так одиноко, кого ждем? В ногах правды нет. – Милан закурил и уставился на батарею утренней почты, включил радио и схватил стакан сока. – «В Исландии защитники эльфов заморозили строительство президентской трассы». Хм, вот это я понимаю: гражданское общество, демократия, Всеобщая декларация прав человека и Галадриэль. «В Москве двое вооруженных грабителей в масках вынесли из кафе 80 чебуреков и две бутылки колы». Великому времени нужны великие герои, и преступники – тоже. «В Польше «воскресший» мужчина пришел на собственные поминки». Вот где нужно учиться мастерству построения сюжетов будущих голливудских хитов. Ты знаешь: я бы хотел оказаться на собственных поминках, но вкрадчиво и незаметно: во-первых, увидеть, кто пришел, а кто проигнорировал мою смерть, а во-вторых, послушать комплименты. О мертвых ведь плохо не говорят? Хотя о чем это я? Переписчики штампам не верят, для нас ведь главное – правдивость и беспристрастность в подаче информации.

Лена уже наелась утренней порцией словоблудия. Она прошла в ванную, быстро оделась и направилась к выходу.

– До новых встреч в эфире. – Милан так и не встал, чтобы ее проводить. На лестничной клетке Лена посмотрела в лестничный пролет, раздумывая, броситься сейчас, чтобы поставить точку в этих бредовых отношениях, или повременить. Ее планы разрушил архитектор дома: в здании было всего два этажа, и она стояла на верхнем. Лена закурила, дверь квартиры отворилась, в коридор вышел Биккок в исподнем.

– Ты мусор забыла, выбрось в бак, как на улице окажешься. Но помни: пластик к пластику, стекло к стеклу, прах к праху. – Он подал ей черный пластиковый пакет и скрылся в проеме. У Лены больше не было сил злиться, она покорно схватила мешок и быстро спустилась во двор.

Промозглый февраль только раскрыл объятия, и прохладное утро бодрило. В отместку за презрение Лена бросила пакет с отходами рядом с баком, довольно рассмеялась и направилась к припаркованной у решеток двора машине. Через полчаса она уже была в офисе.

Тем временем Биккок репетировал. Каждое утро, оставшись наедине, он доставал скакалку, включал украденный саундтрек и читал стихотворение, написанное еще в студенческие годы.

– Будильник перерезал петли сна – и двери сна упали на ладони стаканом чая. Дорогу перепачкала весна – и мостовая в жидкой грязи тонет мостом причала. – Милан замедлял темп прыжков, и каучуковая нить плавно обходила щиколотки. – Тепло постели испускает крик на наковальне бешеного ветра куском металла. Я зажигаю сломанный ночник, я измеряю коридора метры шагом из стали. Холодная щетина на столе голодной бритве завтраком взошла стогом колосьев. Перчатки черной рваный пистолет забил доверху пальцами ушат обоймы грозной. – Биккок вспомнил, что не брился уже два дня, а потому теперь щетина смотрелась особенно колоритно. – Весь мир ложится бархатной дорожкой под стельки моих лаковых ботинок – поход